

Н.К. ИКОННИКОВА

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧЕНЫХ В ЗЕРКАЛЕ ГЛОБАЛЬНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

***Аннотация:** В статье рассматриваются значимые характеристики профессиональной и национальной (гражданской) идентичности российских ученых, проявляющиеся в ситуации, когда государство стимулирует их взаимодействие с зарубежными учеными и бывшими соотечественниками. Описываются данные проведенного эмпирического исследования, они анализируются в контексте развития глобальной академической мобильности и российской научно-образовательной политики.*

***Abstract:** The article considers significant features of professional and national (civil) identity of Russian scientists and scholars, which are revealed when the state is interested in the development of international collaboration with foreign researchers and former Soviet/Russian citizens. The author describes the results of her field study. The data are analyzed from the view points of both global academic mobility and Russian research and educational policy.*

***Ключевые слова:** профессиональная идентичность, национальная (гражданская) идентичность, академическая мобильность, российские ученые, научно-образовательная политика, кадры науки.*

***Keywords:** professional identity, national (civil) identity, academic mobility, Russian scientists and scholars, research and educational policy, scientific and scholarly personnel.*

Вопрос об идентичности в современном «обществе индивидов», включенных в разнообразные фрагментированные «структурные соединения» (Н. Элиас – Н. Луман), с одной стороны, заостряет внимание на интегрирующем, связывающем символическом, ценностном и поведенческом основании. Однако, с другой стороны, это основание, очевидно,

имеет латентный характер, и любая его явная манифестация оставляет сомнения в преднамеренности и (или) искренности, а если искренности — то рефлексивности... и т.д. Ранее мы определяли идентичность как придание личностью (персональная идентичность) или сообществом (коллективная идентичность) смысла своим действиям через определение значимых социальных качеств¹. При этом мы рассматривали ее как иерархическую конструкцию, воспроизводящую иерархию деятельности, ролей, знаний, оценок, эмоциональных состояний субъекта².

В данной статье мы рассмотрим те аспекты идентичности, которые демонстрируют российские ученые в ситуации взаимодействия с иностранными коллегами и бывшими согражданами, уехавшими работать за рубеж. При этом проявляются, с одной стороны, профессиональные установки, обусловленные влиянием международного сотрудничества и, что не менее важно, международной конкуренции на перспективы профессиональных достижений и карьеры. С другой стороны, демонстрируются некоторые черты, оценки, мнения, поведенческие установки, связанные именно с российским происхождением ученых. Ввиду по-прежнему двойственных коннотаций определения «национальный» в отечественной литературе; мы обозначили идентичность членов нации, граждан государства как гражданскую. Этот термин представляется оправданным еще и тем, что цели государственной научно-технической политики и собственная роль в развитии национальной и мировой науки учеными оцениваются именно в контексте гражданских ценностей: свободной активности автономных субъектов и их коллективов, направленной на сбалансированное развитие в глобальной, общечеловеческой и локальной перспективах. Данная проблематика анализируется на материалах эмпирического исследования, выполненного под руководством автора в рамках проекта «Научно-методические проблемы развития организационных форм эффективного сотрудничества российских ученых с успешными представителями российской научной диаспоры»³.

Вызовы глобальной науки и академической мобильности

Современная наука развивается в условиях глобальных проблем и глобальной мобильности. Ученые имеют возможность поиска ресурсов

¹ См.: *Иконникова Н.К.* Символическое и вещественное в конструировании персональной реальности // *Личность. Культура. Общество.* 2009. Т. 11. Вып. 3 (50).

² См.: *Иконникова Н.К.* Человек в мире вещей: проблема присвоения вещной среды // *Вопросы социальной теории: Научный альманах.* 2010. Т. 4. Человек в поисках идентичности. М., 2010.

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» по заказу Минобрнауки России, ГК № П-77.

и партнеров для получения новых знаний, создания сетевых организаций и обмена идеями. Это предъявляет высокие требования к их компетенции, профессиональным качествам, социокультурной адаптивности. Одновременно и государственная научно-техническая, и образовательная политика в каждой стране сталкивается с новыми вызовами, связанными с глобальной конкуренцией, в том числе и за таланты, которые будут работать на национальное благосостояние и имидж. При этом методы управления наукой и технологическим развитием трансформируются с учетом новых реалий, требования к их эффективности, результативности сочетаются с потребностью в гибких и публично приемлемых решениях.

В Концепции федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»⁴ отмечается, что важнейшей проблемой сегодня является «сохранение научных традиций и широкого спектра направлений научных исследований». Признается, что «хроническое недофинансирование научной сферы в 90-е годы прошлого века оказалась подорванной система воспроизводства научных и научно-педагогических кадров. Неизбежным результатом этого стал кризис, который выражается в абсолютном сокращении числа исследователей в государственном секторе науки и высшего образования, особенно в секторе оборонно-промышленного комплекса, быстром старении и изменении их качественного состава, нарушении преемственности научных и педагогических школ». В качестве одной из мер исправления ситуации предлагается «использование научного и образовательного потенциала российской диаспоры за рубежом».

Сотрудничество российских ученых и организаций научно-образовательной сферы с зарубежной наукой является одним из вызовов и преимуществ современной эпохи. Однако понимание целей, задач, ценностей и нормативных условий этого сотрудничества может быть различным, оно меняется в контексте политических установок государства, разделяемых научным сообществом мировоззренческих ориентаций и моделей профессиональной карьеры, экономических условий. Поэтому государственная политика в области международного научного и образовательного сотрудничества и мобильности высококвалифицированных кадров требует, с одной стороны, определения целей и конечных установок, а с другой – научного и методического обоснования в терминах эффективности, результативности.

⁴ Концепция федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2008 г. № 440-р.

Мы исходим из того, что переход от концепции «утечки мозгов» к конкуренции за «глобальные таланты» отражает на теоретическом уровне и в документах, определяющих национальную научно-технологическую политику той или иной страны, глубокие изменения в интенсивности мобильности ученых и инженеров, статусе и роли знаний и научной информации в складывающихся социально-экономических отношениях и глобальных рынках, политических и организационно-правовых условиях развития науки и технологий в странах, регионах, корпорациях.

При этом меняется в целом социальный контекст развития науки и образования. Рациональный труд и рациональная организация, соответствующая метафоре «машины», уходят в прошлое вместе с индустриальным обществом. В чем смысл труда для человека современного (или пост-современного, постиндустриального, информационного и пр.) общества? В возможности самореализовываться и самосовершенствоваться, творить и играть, проявлять свою индивидуальность и неповторимость и при этом ощущать включенность в сложную сеть человеческих коллективов от интимных и локальных до глобального. «Разница, — приводит Э. Тоффлер слова Дональда Коновера, генерального менеджера Корпоративного образования для «Вестерн электрик», — такая же, как между классическими музыкантами, которые играют каждую ноту, написанную в партитуре, и джазовыми, которые, решив, какую мелодию исполнять, подхватывают сигналы друг друга и свободно импровизируют»⁵.

Академическая мобильность включает мобильность студентов, академического и административного персонала, связанную с поездками для учебы и работы на длительные сроки. Можно выделять горизонтальную (связанную с географическим переездом) и вертикальную (связанную с повышением социального, организационного, профессионального статуса) академическую мобильность. Согласно «Болонской декларации» для студентов академическая мобильность означает доступ к учебным заведениям и соответствующим услугам в любой стране мира; а для преподавателей, исследователей и административного персонала — признание и подтверждение периодов, проведенных в европейских странах в целях научных исследований, преподавания и переподготовки, не нарушая их статуса и законных прав.

В современном научном сообществе каждая значимая характеристика академического статуса одновременно выступает как фактор, способствующий академической мобильности, при этом рост профессиональной квалификации и овладение соответствующими компетенция-

⁵ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 607.

ми интенсифицируют академическую мобильность, а мобильность становится ресурсом научной результативности. Высокие профессиональные качества обуславливают готовность «делать науку» там, где есть условия (и поиск этих условий). Организационные качества и ресурсы позволяют подтверждать статус в науке, делать публикации, привлекать сотрудников и финансирование. Социальные качества личной научной сети обеспечивают необходимые связи в глобальном академическом сообществе для получения информации и поддержки, предложений о сотрудничестве и источниках ресурсов, культурные качества облегчают адаптацию в инокультурной среде.

Парадоксальным образом в современных условиях профессиональную мобильность можно рассматривать как устойчивую форму. Это обусловлено изменением структур и форм занятости во всех профессиональных сферах, не только в науке (специалистами уже описаны гибкие структуры, *rescacious work*), а также интеграцией науки по содержанию и формам ассоциации, и междисциплинарной и «межучрежденческой» (до международной). Таким образом, мобильность становится единственно возможным способом реализации требуемого уровня социальных связей, квалификации, активности — и невозможностью изолированной и немобильной науки.

Сложившаяся система организации работы исследовательского сообщества поддерживает, а порой и стимулирует его закрытость. Эти тенденции могут преодолеваться на основе организационного и иного опыта, имеющегося у ученых-мигрантов. Необходимо развивать различные экспертные формы подтверждения научной результативности, а финансовые и организационные ресурсы концентрировать в центрах приоритетных исследований и развития академической карьеры.

Взаимодействие с научной диаспорой сегодня не носит характера «поддержки соотечественников», а ориентировано на развитие научно-технологического и образовательного потенциала России. Это ставит более сложные задачи по публичной презентации государственной политики в этой области и обеспечению ей поддержки в научном сообществе и российской диаспоре.

Учет специфики социального контекста и характера опосредования, трансформации им политических решений, изменений нормативных актов, бюджетирования требует анализа вроде бы не связанных прямо с научной деятельностью и миграцией ученых ценностных и нормативных оснований соответствующих социальных практик. Разрыв между моделью научной политики и сложившимися представлениями о ней у самих ученых, в том числе и в части взаимодействия с российской научной диаспо-

рой, является причиной срыва реализации многих программ и решений, представлявшихся вполне обоснованными, ресурсно обеспеченными.

Практики современного общества, и в профессиональной, и в повседневной сферах, качественно усложняются, при этом усложнение достигается за счет символических, абстрактных ресурсов, аккумулирующих накопленные знания и инфраструктурный потенциал. Латентные компоненты этих практик приобретают все большее значение и становятся также предметом преднамеренного или, по крайней мере, рефлексивного социального конструирования. Символические и ценностные аспекты академических практик могут рассматриваться как ключевые для понимания того, как социальные агенты, в нашем случае – ученые, исследователи, преподаватели – строят свою карьеру, научные связи, оценивают социальную среду. Выявление ценностно-нормативных оснований социальных практик в сфере науки и высшего образования, тех институциональных и культурных матриц, которые определяют воспроизводство этих практик и границы их трансформации, позволяет нам предложить интерпретацию мотивов и выборов, которые делают представители научной диаспоры и их российские контрагенты, вступая во взаимодействие.

Выделение в составе российской диаспоры в целом такой составной части, как «научная диаспора», наталкивается на проблемы определения этнической или национальной принадлежности, квалификации, занятости, интенсивности и характера связей с Россией.

Предметом нашего анализа в качестве профессионально активной части диаспоры является «четвертая волна» миграции из России – конец 80-х, 90-е гг. и далее, основные мотивы миграции на этом этапе были связаны с экономическими факторами, а также социально-политическими. Мигранты последней волны в значительной мере поддерживают связь с родиной: страной выезда или Россией, иногда сохраняют гражданство, культуру и язык, что и является основой для сотрудничества с ними. При этом сохраняется притяжение наиболее крупных эмигрирующих национальных групп к определенным странам (кроме русских и украинцев). Имеет место наличие устойчивого этнонационального компонента в эмиграции высококвалифицированных кадров из России, тем не менее большое значение для формирования научной диаспоры имеет эмиграция в США, которые отличаются активной политикой по отбору и привлечению высококвалифицированных мигрантов.

Представляется целесообразным рассматривать *структуру российской научной диаспоры* как состоящую из *профессионального ядра* (высококвалифицированные кадры, занятые в сфере науки и образования за

рубежом и активно участвующие в научных обменах с Россией); и *нескольких категорий, составляющих периферию научной диаспоры.*

Есть оценки численности этого профессионального ядра, воспроизводимые многими СМИ. По Б.Г. Салтыкову (1992–1996 гг. – министр науки и технической политики РФ), за рубежом работают по специальности от 25 до 35 тыс. ученых, эмигрировавших из России. Еще примерно столько же уехали временно: формально они числятся за теми или иными отечественными институтами, но по факту постоянно работают за границей. Профессор Сергей Егеров, бывший советником по науке у Б. Ельцина, также оценивает численность российской научной диаспоры за рубежом, точнее, ее активного ядра, в 30 тыс. человек. С этой цифрой согласен и старший научный сотрудник Института ядерных исследований РАН, руководитель портала Scientific.ru Борис Штерн⁶. Собственно, эти оценки сопоставимы с учитываемым NSF USA количеством докторов наук – выходцев из СССР.

Структуру периферии можно описать как состоящую из следующих категорий:

- «восходящая», ее составляют выезжающие на длительные сроки с намерением трудоустроиться за рубежом стажеры, выпускники, молодые специалисты. В данном случае наличие российской магистерской или кандидатской степени не является за рубежом достаточным подтверждением их квалификации, поэтому они продолжают послевузовское образование, получают степени PhD и другие сопоставимые;

- «неадаптированная», ее составляют мигранты с учеными степенями, получающие за рубежом временные должности в науке и образовании, чередующие занятость в сфере НИОКР и образования с занятостью в других отраслях (бизнес, производство, низкоквалифицированная работа), недостаточно овладевающие иностранными языками, чтобы иметь научные публикации за рубежом, не имеющие других навыков и компетенций для того, чтобы развивать свою научную квалификацию (оформление заявок, участие в конференциях и пр.);

- «депрофессионализируемая», ее составляют мигранты, не участвующие в исследованиях и разработках, в образовании, не имеющие занятости в соответствующих сферах.

Очевидно, что наряду с «ядром» наибольший интерес в целях данного проекта представляет первая категория (пополняющая ядро и при этом

⁶ См. данные исследования, проведенного по инициативе журнала «Русский Newsweek»: *Максимов Н.* Возвращаться – плохая зарплата // *Русский Newsweek.* 3-9 ноября 2008 г. № 45 (217).

еще достаточно мобильная с точки зрения формирования связей и принадлежностей).

Представители второй категории, возможно, демонстрируют желание сотрудничать с национальной наукой. Однако для оценки возможного положительного эффекта этого сотрудничества для российской науки необходимо оценивать не только индивидуальные результаты и индивидуальную адаптацию, но и коллективные результаты и адаптацию.

Это возможно, если *принять за базовую категорию «научное сообщество»*, тогда часть вопросов о формально-правовых аспектах анализа научной диаспоры будет снята. Фокус исследования сосредоточивается на многообразных формах научной коммуникации, в которых реализуются различные гибкие структуры занятости (*precarious work*), совмещение занятости в сфере бизнеса и участия в научных сообществах (конференции, профессиональные сообщества, открытые образовательные программы). Понятие академической мобильности приобретает смысл единственно возможного способа реализации требуемого уровня социальных связей, квалификации, активности, опыта.

В таком случае можно говорить о достижении коллективной адаптации представителями выделенной второй категории за счет создания новых научных сообществ, часто имеющих трансдисциплинарный характер, связанных с новыми образовательными проектами. Возвращение представителей этой категории на родину способствует восполнению количественных потерь кадрового потенциала в сфере науки и образования, но их вклад в его качественный рост следует оценивать как вероятный, но не гарантированный.

Однако, как оказывается, такого рода возвращения и любые меры государства, направленные на привлечение представителей диаспоры и вообще зарубежных ученых для длительной работы в России (путем создания специальных должностных позиций, организации лабораторий, распределения «мегагрантов» и пр.), вызывает неоднозначную реакцию в российском научном сообществе. Приезжающие иностранцы и «возвращенцы» отмечают в интервью и опросах, что встречают противодействие всех тех, кто не получает прямых выгод (преимущественно финансового и научно-организационного характера) от их присутствия⁷.

На наш взгляд, это обусловлено спецификой профессиональной идентичности российских ученых, которая основывается на вполне оп-

⁷ См.: Дежина И.Г. «Охота за головами»: как развивать связи с российской научной диаспорой? // Научно-исследовательские исследования. 2010: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; М., 2010.

ределенных (и жестких) представлениях о дисциплинарной принадлежности, организационном статусе, неприятии временных позиций (что предполагается современной системой стажировок, «постдокловских» позиций, вакансий приглашенных лекторов и т.д.). Для индивида, идентифицирующего себя как «русского ученого», важно и то, что он ученый (или преподаватель вуза, обычно эти два вида деятельности совмещаются постоянно и последовательно, так что в данном случае «ученый» – сокращение), и то, что он «русский». Профессиональная идентичность встраивается в изоляционистскую национальную (гражданскую) идентичность, основанную на противостоянии интересов русской и западной науки. На этих предположениях основывались гипотезы исследования, методологию и результаты которого мы рассмотрим далее.

Дизайн эмпирического исследования

Проведение социологического опроса русских экспертов ставило целью выяснить их мнение о возможных эффективных организационных формах взаимодействия русской научно-образовательной сферы с русской научной диаспорой.

Представляется, что именно во взаимодействии со «своими чужими», то есть уехавшими работать за рубеж и оказавшимися там профессионально и социально успешными (иначе бы они не приглашались обратно в качестве оцениваемых как «успешные» руководством науки и образования (это важно – не самими учеными)) бывшими соотечественниками – именно в этой ситуации значимые характеристики идентичности проявляются в наибольшей степени, акцентировано.

С точки зрения общего дизайна исследования мы решали несколько взаимосвязанных, но самостоятельных проблем: конкретизация задач опроса и формы его реализации; уточнение критериев формирования списка экспертов, исходя из полученных на предшествующих этапах результатов и конкретизированных задач исследования, формирование списка экспертов; определение значимых характеристик организационных форм взаимодействия русской научно-образовательной сферы с русской научной диаспорой, которые являются предметом для сбора экспертных мнений; выделение проблематики развития открытых университетов в России с точки зрения динамики прочих организационных форм.

В исследовании использовалась комбинация методов: массированный опрос экспертов на основе выборки по организациям (комбинированной, квотной и механической (систематической)), а также интервьюирование ограниченного числа экспертов из числа отобранных на первом этапе. При интервьюировании качество, полезность получаемой

информации обеспечиваются не массовостью опроса и количеством вопросов (чем больше в анкете позиций, тем больше будет доля закрытых вопросов), а включением неформализуемой, контекстной информации, получаемой в ходе письменного или устного интервью.

Для построения выборки экспертов использовались следующие типичные пороговые признаки: 1) наличие ученой степени, полученной в России (не ниже кандидата наук), наличие ученой степени, полученной за рубежом (PhD и выше), наличие ученого звания, полученного в России; 2) постоянная штатной должности в научном или образовательном учреждении определенного уровня: либо руководящая в формальной организационной структуре (заместитель директора, руководитель отдела, сектора, декан, заместитель декана, заведующий кафедрой, лабораторией) или ведущая научная позиция (главный или ведущий научный сотрудник, руководитель направления, проекта, группы – при безусловных научных достижениях); 3) занятость в сфере исследований, разработок, высшего образования в течение не менее пяти последних лет и в настоящее время; 4) наличие значительного числа публикаций, в том числе и в последние пять лет, в том числе в зарубежных изданиях; 5) участие в организации и проведении научных мероприятий; 6) опыт научного руководства и организаторской деятельности в сфере науки и образования.

При формулировке вопросов анкеты были поставлены вопросы о мотивации ученых и преподавателей высшей школы, отношении их к карьере и успеху, ценностных предпочтениях, месте профессиональной деятельности в жизненных стратегиях в целом. Основной исследовательский вопрос подразумевал выяснение следующего: какие факторы определяют возможность и эффективность использования различных организационных форм взаимодействия с научной диаспорой для российских ученых и могут ли российские ученые предложить новые организационные формы.

Для построения квотной выборки организаций сферы науки и образования был составлен список из 12 ведущих государственных и федеральных университетов и нескольких ведущих технических университетов (институтов) (список строился на основе рейтингов, предлагаемых научным сообществом и работодателями, см. Scientific@ru, HeadHunter) и 308 научных институтов и научных центров РАН (включая Санкт-Петербургский филиал и Сибирское отделение академии наук). Для этих институтов была проведена дополнительная механическая (систематическая) выборка, после чего в списке осталось 28 институтов разных областей науки. Отбор экспертов проводился для попавших в выборку организаций путем квотной (исключались непрофильные факультеты тех-

нических вузов, гуманитарные (кроме истории и археологии) факультеты университетов) выборки, механической (с равным шагом) выборки и выборки типичных признаков (руководящая позиция, научная квалификация) путем сбора информации о контактах (электронная почта, телефоны) по основным структурным единицам организации. Таким образом было отобрано 637 экспертов.

В результате рассылки на основе построенной выборки было получено 252 заполненные анкеты. Кроме того, получено 8 устных и 3 письменных интервью, общая продолжительность устных интервью 193 минуты, объем каждого письменного интервью около 10 тыс. знаков без пробелов (цитируются с меткой *Л*). При этом, даже отвечая на вопросы анкеты, эксперты давали заинтересованные комментарии, получено 23 дополненные комментариями анкеты, общий объем комментариев 16 906 знаков (без пробелов) (цитируются с меткой *К*). Ряд содержательных комментариев, высказываний содержался непосредственно в ответных письмах респондентов, по наличию содержательных текстов выделены фрагменты 15 писем, объем выделенных фрагментов 6252 знаков (без пробелов) (цитируются с меткой *Л*).

При конструировании анкеты массового опроса и планов интервью нами были предложены следующие гипотезы.

Во-первых, мы предположили, что для российских ученых, добившихся успеха в профессии, основные мотивы сотрудничества с зарубежными коллегами будут связаны с возможностью расширения профессиональных контактов, повышения квалификации, то есть в целом повышать удовлетворенность профессиональной деятельностью. При этом прагматические профессиональные соображения будут балансироваться (в том числе в явных высказываниях) идеями развития мировой науки, глобальными интересами, а российская наука и научное сообщество рассматриваться как часть мировой науки и глобального академического сообщества. Тем не менее предшествующие исследования показали, что профессиональная среда оценивается учеными в параметрах общения, технического уровня научных организаций и окружающей среды, то есть рассматривается во взаимосвязи с жизненным комфортом и безопасностью в целом⁸. Таким образом, ценности развития человечества и мировой науки не представляются достигаемыми путем «аскезы и жертв ради науки».

⁸ См.: *Дежина И.Г.* «Охота за головами»: как развивать связи с российской научной диаспорой? // *Наукоевческие исследования*. 2010: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; М., 2010; *Рука об руку или порознь? Возможности сотрудничества с российской академической диаспорой в сфере социально-экономических наук*. Препринт WP1/2010/01. М., 2010.

Сотрудничество с представителями российской научной диаспоры и зарубежными коллегами может рассматриваться как фактор, косвенно повышающий уровень организации науки и образования и их финансирование в сопоставлении с мировыми стандартами. Собственно, такие интенции присутствуют в правительственных решениях. Важно определить, в каком временном интервале ожидают российские ученые позитивных изменений, будут ли они их связывать с этими решениями и готовы ли они видеть, замечать эти косвенные следствия.

На наш взгляд, одним из вызывающих ощущение «угрозы» аспектов международного сотрудничества является то, что, по сути, на него возлагаются функции оценки, экспертизы научных достижений и квалификации российских ученых и эти оценки используются во внутрироссийской научной и образовательной деятельности. Зарубежные ученые и особенно представители диаспоры (поскольку их не отделяет лингвистический барьер и они знакомы с многими социокультурными реалиями) выступают как эксперты, оценивающие грантовые и иные заявки, рецензенты научных публикаций. Факты прохождения зарубежных конкурсных отборов, наличия «западных» академических степеней, публикаций в иностранных журналах и достигнутый в международных ресурсах индекс цитирования в соответствии с корпоративными нормативными актами российских организаций становятся главными оценочными показателями, определяющими доходы и профессиональные позиции российских ученых и преподавателей вузов.

Эти положения были нашими рабочими гипотезами. Часть из них вполне подтвердилась, другие — лишь частично: степень изоляционизма и чувство «угрозы» собственному профессиональному статусу как главные символические компоненты коллективной идентичности российских ученых оказались выше ожидаемых.

«Оставшиеся» ученые: демонстрация коллективной идентичности перед лицом «угрозы»

Вопросы, касающиеся понимания респондентами своей профессиональной идентичности, рассматривались нами в контексте ценностных ориентаций ученых, их оценок значимых факторов, определяющих принадлежность к научному сообществу и статус в нем⁹.

⁹ Разделы анкеты, касающиеся профессиональной карьеры и ценностных ориентаций, разрабатывались на основе опросника проекта под руководством чл.-корр. РАН Н.П. Тарасовой, реализованного М.В. Рыбаковой и М.Ю. Шукиной.

Практически все респонденты считают, что их идентичность как ученых основывается как на содержании деятельности (научные исследования, научное руководство, преподавание в вузах), так и на формальном признании статуса (должности, ученые степени и звания, публикации, участие в конференциях). При этом 74,6% опрошенных публиковали статьи, тезисы в зарубежных изданиях. С их точки зрения, профессиональный успех зависит от самого человека, хотя респонденты возрастной группы 56–69 лет отмечают также и значение ситуации в профессиональной сфере, что отражает социальный опыт этой возрастной группы. Ситуация в обществе представляется значимым фактором преимущественно представителям наук о земле (экологические требования, возможность экономики использовать научные достижения, обеспокоенность населения развитием био- и медицинских технологий). При этом для занимающих руководящие должности выбор факторов «зависит от самого человека» и «зависит от ситуации в обществе» соотносится 3:1, а для специалистов (на неруководящих должностях) как 2:1. Отвечая на вопрос, что еще способствует успеху, доктора наук выделили (наряду с «собственными усилиями») помощь и признание коллег. Это подчеркивает значимость связей и поддержки научного сообщества при получении и подтверждении профессиональной квалификации и, в целом, выраженную коллективную идентичность. Для российских ученых, добившихся успеха в профессии, сотрудничество с зарубежными коллегами будет рассматриваться как один из ими самими выбранных компонентов профессиональной деятельности, оно призвано повышать удовлетворенность профессиональной деятельностью, но не является решающим ресурсом для этого.

Профессиональная среда действительно оказывается очень важна, однако восприятие ее связано снова с академическим статусом. В качестве необходимого для научной деятельности круга общения рассматриваются равные по статусу коллеги, но не ученики или ассистенты, младшие специалисты (что представляется существенным для зарубежных ученых и представителей диаспоры)¹⁰. Профессиональная среда общения рассматривается как определяемая коллегами (наличие, квалификация, контакты).

При этом комфортная среда для жизни (выделено 68,3% респондентов) рассматривается как решающий выталкивающий/притягивающий фактор, и он действует не только в отношении эмиграции за рубеж, но и

¹⁰ См.: *Дежина И.Г.* «Охота за головами»: как развивать связи с российской научной диаспорой? // Наукоевческие исследования. 2010: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; М., 2010.

в отношении мобильности – территориальной и профессиональной, между секторами экономики – внутри страны. На втором месте (60,3%) профессиональная среда, условия для профессиональных достижений. Третий рейтинг имеет такой фактор, как финансирование НИОКР, обменов, поездок (36,5%). Как отмечалось в интервью, *«люди едут за рубеж за лучшей жизнью. Это: зарплата, климат, комфортная жизнь, хорошие условия для работы»* (К31). В этих оценках нет существенных различий по возрастным группам, в зависимости от ученой степени (при ее наличии). Однако есть различия по должностям и областям наук. Руководители и представители наук о земле указали на качество управления образованием и НИОКР как третий по значимости фактор (у докторов наук в целом по всем областям он имеет четвертый рейтинг за указанными выше факторами).

Существующий корпус описаний, интервью, публичных выступлений ученых показывает значимость для них вещной среды, которая оценивается как важнейшее условие плодотворной творческой работы. Эта вещная среда включает как взаимосвязанные компоненты, с одной стороны, оборудование лабораторий, аудиторий, а с другой – комфортную среду повседневной жизни, быта, общения, отдыха. Однако вторая сторона не противопоставляется первой как «внепрофессиональная», ей приписывается значение необходимой сопутствующей среды лаборатории, в ней, по сути, продолжаются профессиональные коммуникации, в идеале (который как ценность присутствует в большинстве суждений и воспроизводится в «историях», байках) – продолжается научная деятельность как непрерывный творческий процесс.

Современные успешные ученые хорошо представляют себе функционирование, механизмы создания и стоимость той вещной среды, необходимой им для работы, которая (работа!) является смыслом жизни. Именно поэтому описания «лучшего места для жизни» в большинстве случаев воспроизведут европейский университетский город (с соответствующей инфраструктурой жилья, велосипедных и пешеходных дорог до лабораторий и аудиторий, сетью кафе, Интернетом, дополняющим и заменяющим в значительной степени теперь библиотечные фонды), и одновременно озвучат список оборудования, расходных материалов (стоимостью порой в сотни тысяч долларов) и коллег разного уровня квалификации, которые в не меньшей степени являются частью их жизни. Дорогостоящее и высокотехнологичное оборудование, хотя уже и не собирается «на коленках» «из ничего», и аутентичность которого скорее подкрепляется маркой производителя, тем не менее в ходе работы воспринимается как «свое и родное», получает личные имена, антропоморфизуется и одушевляется.

Респонденты констатировали кризисное состояние научных исследований, деградацию материально-технической базы и отсутствие управленческих решений, преодолевающих эту ситуацию. *«Наиглавнейшей причиной “уплыwania мозгов” является вечный бардак и нищета науки в “новой” России. Кому интересна давно “непрестижная” и финансово не привлекательная профессия ученого или преподавателя? Кто захочет работать в настолько не стабильных экономических и политических условиях, разве можно продуктивно трудиться в постоянном страхе быть выброшенным за ненадобностью? Большинство молодежи сейчас идет в науку только для получения старта, чтобы уехать дальше работать и делать карьеру за рубежом. Поскольку там созданы все благоприятные условия для самореализации и профессионального роста, во всяком случае гораздо лучшие, чем у нас. Соответственно, чтобы стимулировать возвращение ученых на родину, нужно сделать невероятное – повысить жизненный уровень в России до уровня зарубежных стран (Африки и др. стран третьего мира это не касается, туда никто не стремится). Гарантировать так необходимую для любого роста и развития СТАБИЛЬНОСТЬ» (К64).* Сотрудничество с научной диаспорой и международными коллегами в рамках уже реализуемых программ оценивается ими скептически как не имеющее должного влияния на состояние сферы исследований и разработок в целом.

Наше предположение о том, что на международное сотрудничество возлагаются функции оценки, экспертизы научных достижений и квалификации, но эти оценки используются во внутрироссийской научной и образовательной деятельности, базировалось на анализе документов и опросах представителей научной диаспоры, но российские респонденты в таких терминах ситуацию не определяют, они оценивали ситуацию так: *«Возвращение коллег, уехавших жить и работать за рубеж, может быть весьма эффективным, а может быть и вредным. Оно, в первую очередь, должно приносить пользу России и Российской науке. При этом надо учитывать, что бюджет всегда ограничен. То, что будет потрачено на подобное сотрудничество, будет изъято из общего и пока достаточно скудного бюджета Российской науки. Необходимо точно просчитывать баланс между тем, что Российская наука приобретет, а что потеряет. Сотрудничество необходимо стимулировать только в том случае, если выгода будет значительной и очевидной» (К29).*

Так возможность публикаций за рубежом ставится в первую очередь в зависимость от научной новизны (77,8%), знание иностранного языка и следование зарубежным стандартам изложения имеют заметно более низкий рейтинг (58,7 и 42,9%).

При этом большинство респондентов и при ответах на закрытые вопросы анкеты, и в комментариях на полуоткрытые вопросы высказываются против целесообразности привлечения представителей диаспоры в научные программы (68%) и объясняют свой скептицизм: *«В двух словах – на диаспору лучше не надеяться, Делиться секретами, знаниями и другой информацией они не будут. Не для этого они уехали. Поддерживайте своих лучших, а не всех, ученых. Это люди, которые еще верят в Россию» (L9).*

При этом негативная позиция вовсе не означает полного отсутствия опыта международного сотрудничества. Вопрос в том, в какие формы сотрудничества вовлекаются россияне (или какие формы им доступны). Профессиональные обмены, совместные публикации и совместная работа (в лабораториях, проектах, образовательных структурах) были выбраны респондентами как наиболее важные формы сотрудничества с близкими рейтингами (соответственно, 57,1; 55,6; 54%). Большинство респондентов имели опыт международных стажировок, обучения, проведения исследований, преподавания, длительных профессиональных командировок за последние пять лет (при этом те, кто не имел такого опыта, явно хотели бы его получить и поэтому настроены в отношении сотрудничества более позитивно). Однако последовательно негативная позиция проявляется у тех, кто и выступает против сотрудничества, и отказывается от членства в международных организациях, и не участвует в международных проектах. При этом руководители со вторым рейтингом (61,3%) выбирали в качестве формы сотрудничества совместную организацию и работу в лабораториях, проектах, образовательных структурах.

Семья является приоритетной декларируемой ценностью (100%) для всех опрошенных, хотя «в настоящее время» для них важнее карьера, чем семья (58,3 к 16,9%). При этом свободу как значимую ценность рассматривают 85,7%, такой же рейтинг у ценности «мир и порядок в стране» (85,7%), честность важна для 78,6%, справедливость – 71,4%, традиции – 71,4%, самосовершенствование – 71,4%. При этом образованность в списке значимых ценностей выбрали 64,3%, а жизненный успех – 34,8%. Респонденты в целом демонстрировали единодушие в следовании общим ценностным ориентациям. Однако можно выделить ценностную специфику тех, кто отрицательно относится к перспективам взаимодействия с диаспорой, они в большей мере учитывают ценности жизни с комфортом и карьеры или затрудняются сделать однозначный вывод.

Некоторые выводы: вненаучные пределы научной политики

Приведенные данные показывают, что следует учитывать коллективную идентичность российских ученых в ее профессиональных и гражд-

данских аспектах при выработке и реализации государственной научно-технической политики и создании корпоративных решений в организациях сферы НИОКР и высшего профессионального образования. Разрыв между моделью научной политики и сложившимися представлениями о ней у самих ученых, в том числе и в части взаимодействия с российской научной диаспорой, является причиной срыва реализации многих программ и решений, представлявшихся вполне обоснованными, ресурсно обеспеченными.

Единство ценностных ориентаций является важным параметром наличия у российских ученых коллективной идентичности. Это является фактором солидарности и, одновременно, относительной закрытости, дезадаптации данного сообщества в условиях глобальной академической мобильности. *«Надо развивать научное сотрудничество... по принципу сходных или пересекающихся взглядов, подходов, принципов к решению тех или иных проблем. А они, как правило, носят не диаспорный характер в современном мире и науке. Такая постановка вопроса характерна для советского и постсоветского мышления и логики научного взаимодействия. В какой-то мере это уход от честной конкуренции: найти “своих” или “бывших своих” и через них пролезть на мировую научную арену. Как правило, такие проекты конъюнктурны и не интересны научно. Хотя, по нашей же отечественной логике, российские эмигранты потом успешно начинают публиковаться в России, а не там, куда они уехали (я говорю о гуманитарии), потому что они уже получили санкцию Запада (даже если преподают в community college или еще где похуже, что чаще всего и бывает) и потому здесь по привычке воспринимаются как новые пророки» (16).*

Возможно, мы имеем дело как раз с той ситуацией, когда бесполезно принимать еще один новый закон и менять что-то в формальных правилах, важнее учитывать и изменять нечто в самой системе, в том, как складываются практики работы «на местах», каковы реальные повседневные, рутинные процедуры экспертизы проектов, заявок на гранты, диссертаций, что и обеспечивает содержание и организацию программ сотрудничества, программ конференций, из чего и складывается взаимодействие.

Роль и установки научной общественности как субъекта активности, субъекта сотрудничества и даже субъекта, принимающего решения, представляется решающей, и новый (очередной) закон будет «работать» так же плохо, как и все предыдущие, если мы не поймем, что же происходит при его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дежина И.Г.* «Охота за головами»: как развивать связи с российской научной диаспорой? // Научно-исследовательские исследования. 2010: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; М., 2010.
2. *Иконникова Н.К.* Символическое и вещественное в конструировании персональной реальности // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. Вып. 3 (50).
3. *Иконникова Н.К.* Человек в мире вещей: проблема присвоения вещной среды // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Т. 4. Человек в поисках идентичности. М., 2010.
4. *Максимов Н.* Возвращаться – плохая зарплата // Русский Newsweek. 3-9 ноября 2008 г. № 45 (217).
5. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999.